

СВЕТЛЯЧОК

14.06.2012

№7 (15) Июнь 2012 года

• Обратная связь

О странностях души исконно русской

Мнение Татьяны Васильевны Супоневой о нашей газете знать очень хотелось. Ведь она одна из старейших членов литературно-читательского клуба «Светлячок», к тому же раньше преподавала литературу и обладает хорошим художественным вкусом, много читает, следит за новинками литературы и, несмотря на возраст (родилась она в 1922 году), легко заучивает и цитирует новые стихи наизусть.

Мы просили Татьяну Васильевну дать свою оценку в письме, но она позвонила по телефону, и вот что мы записали с её слов:

Журнальчик ваш (нередко нашу газету называют журналом – М.П.) читаю с удовольствием. Вы задумали хорошее дело. Мне показалось, что в вашем издании заметна очень важная линия: в нем явно просматривается сущность характера русского народа. Человек русский, деревня русская показаны в ней с разных сторон. Авторы видят события по-своему, и это отражается в текстах. К примеру, стихотворение М. Петровой «В самой глубинной России». В нём «в самом забытом селе по-прежнему зори сини и люди слагают стихи», по её мнению, «никакие указы деревню под ноль не свели». Иное видишь у В. Баринова в «Эпитафии русской деревне». В его тексте на «этот погост коренная Россия Покорно легла всем державам на диво». Различны взгляды у авторов, как и в самой глубинке, где люди смотрят на жизнь по-разному. Или, к примеру, у Владимира Ромма: «Вот говорят о странностях души, о странностях души исконно русской», и дальше - «Раз есть душа, так смейся над собой И плачь навзрыд по гибнущей России, Проси подачки жалостно, с мольбой, Как все другие до тебя просили», «Заборы строй, чтоб лазать через них, и обходи законы стороною», «С душою в пьянке будешь всех «первей» и мимо урны бросишь свой окурочок». Одним словом, всё как в жизни.

О деревне, превратившейся теперь в место жизни дачников, и рассказ Елены Мировой. Я очень люблю этого автора, у неё свой, узнаваемый стиль, свой почерк. И всё хорошо в этом рассказе, великолепно и просто описан быт, но удивила меня фраза «тупая привычка к тяжёлому труду». Раньше это назвали бы благородной привычкой.

Нравятся и ваши разнообразные рубрики. И то, что, оказывается, в наших местах много творцов. Хорош рассказ Натальи Ушаковой «Двое». Интересен рассказик школьницы Маши Майко, стилизованный под народную речь. Хорошо, что напечатали словарь андреапольских говоров, собранный Валерием Кирилловым. Слова забываются, поэтому уже и те, кто пытается их вспомнить не всегда бывают точны, ведь сами они так уже не говорили, от старших только слышали. Поэтому в словаре не везде верно расставлены ударения, не всегда точны значения слов. Например, амбар – это место, где хранят не сено, как указано, а зерно; шайка – кадка, а не ведро; вётох – не просто месяц, а одна из фаз его – именно старый месяц. И всё же хорошо, что словарь этот собран.

Хорошо, что вы размышляете над прочитанным. Здесь особенно удачны рассуждения Михаила Никонорова; рассказ о творчестве Уитмена, написанный Владимиром Марковым.

Понравился апрельский номер, весенняя подборка стихов. Но стихотворение Владимира Юринова «Туман жрёт снег...» - это вряд ли о весне, это собственное восприятие современного мира. Очень серьёзное стихотворение. Показалось, что автор изливает свою душу. Поэзии газета уделяет много места: и андреапольским творцам, и тем, кто как-то соприкасался с нашими местами. И это хорошо. В том же апрельском номере стихи Галины Безруковой. Они так трогательны, хочется прижать её к сердцу, защитить.

Одним словом, газета ваша – голос самого народа. Хочется пожелать вам успехов и долгих лет жизни.

• Ничто не забыто...

Звезды на деревьях

Рассказ-быль

Как-то в один из сентябрьских солнечных дней, после занятий в школе, повела Нинка своих подшефных первоклашек собирать осенний гербарий в лесу.

Тепло, тихо в сосновом бору. Только ребяташки орут наперебой, показывая найденные ими листочки, веточки и разные причудливые корешки. Да отдельно кричит какая-то

лесная птица, почувствовавшая непрошенных гостей. А под ногами брусника – спелая, крупная.

- Нина, сделай нам кулёчки, мы собирать будем.

Нинка достает из портфеля тетрадь и торопливо крутит из тетрадных листов кулёчки. Суетливая компания, угомонившись, стала наполнять свою бумажную тару ягодами.

Довольная, что ее сорванцы рядом, Нинка присела передохнуть на маленький бугорок у сосны. Но тут её взгляд остановился на вырезанной кем-то пятиконечной звезде на дереве напротив. – Откуда? Кто и зачем оставил на нём такой знак?

Она вскочила с бугорка, на котором сидела и подняла глаза на сосну рядом с ним... Там тоже вырезана звезда. И еще на двух деревьях, растущих рядом звёзды.

Сердце Нинки бешено заколотилось, в висках нехорошо застучало. От догадки стало как-то не по себе...

Бугорок, на котором она сидела ещё минуту назад, возможно, могильный холмик, под которым, судя по звёздам на деревьях, покоится наш солдат.

Вожатая позвала своих подшефных и показала им странную находку.

- Нина, а мы расскажем, что здесь солдат похоронен?

- Конечно, обязательно расскажем.

... Этой ночью Нинка почти не спала. Перед глазами то и дело предстал тот самый бугорок. Было совестно, что сразу не разглядела и уселась на подвернувшийся холмик.

А потом ей снились её первоклашки, брусника и звёзды на деревьях. На следующий день в школе рассказала Нинка о своей находке. А потом приехали люди в военной форме. Нинка важно показала то самое место в лесу. Заветный бугорок и вправду оказался могилкой. Люди в форме нашли солдатский медальон, на родину солдата сообщили...

Решено было перенести останки в посёлок и похоронить их возле братской могилы с почестями.

В назначенный день приехал сын погибшего героя.

- Не надо его куда переносить, пусть лежит в этой земле, на том самом месте, где принял смерть, и, где, спустя три десятка лет, нашли его люди.

Так и порешили.

Хоронили всем поселком. На траурной линейке у могилы героя сын солдата встал перед Нинкой на колени и поклонился ей до самой земли. Нинка покраснела и смущенно опустила голову. Торжественную тишину у лесной могилки нарушили автоматные выстрелы – это военные салютовали Нинкиному солдатику.

Девочка стояла вместе со всеми и понимала, что происходит что-то очень нужное и важное. И на душе от этого было хорошо. Только плакали женщины и сурово смотрели мужчины, обнажив головы. На могилку поставили памятник со звездой и фотографией солдата. На фото красивое молодое лицо с умными глазами и едва заметной улыбкой. Лещин Павел Николаевич – так звали Нинкиного солдатика. А было ему всего 23.

... Давно уже выросли Нинкины первоклашки, разъехались из посёлка в большие города. Да и сама она живёт в другом месте. Но, говорят, когда приезжает, обязательно навещает своего солдатика.

Нина Шандаевская

• Новые стихи

Маргарита Петрова

В четвёртой зоне Лондона
По улице Вордсворт*
Бреду, российский подданный,
Как сброшенный за борт.

Газончики опрятные,
И розы под окном.
А мне, третьеразрядному,
И здесь – сплошной облом.

Без денег всюду сложности,
Лужайка, как стерня.
Их равные возможности,
Увы, не для меня.

Их «sorry» столь любезные,
Гражданские права –
Такие бесполезные
Достойные слова.

*Вордсворт (Wordsworth road) – название улицы;
переводится как дорога достойных слов.

* * *

Тихую музыку звёздного вечера
Долго в душе берегу.
Взглядом колючим за что же я встречена
В домике на берегу?

Снова проездом я в городе вязовом,
Да не моя в том вина.
Часики тикают, столько не сказано.
Лучше плесни мне вина.

Чуть пригублю, ты укутаешь плечи мне,
С неба сорвётся звезда.
Тихую музыку нашего вечера
Снова умчат поезда.

* * *

Стою рябиной переспелой:
Морозцем тронута, сладка.
Ты гроздь срывай, прохожий, смело,
Коль тянется ко мне рука.

Я недостойных горьким соком
Отпугивала и ждала.
Тебе, мой странник одинокий,
Свои плоды приберегла.

Вкус мой поймёшь, ценитель тонкий.
Так задержался ты в пути,
Сумев от яблоньки-девчонки
К рябине-женщине дойти.

Валерий Осипов

НОСТАЛЬГИЯ

Выйду из леса к опушке берёзовой,
Сяду на поле покато.
Здесь деревенька стояла над озером,
Жизнь здесь шумела когда-то.

Мир сей покинули многие жители...
На отдалённом погосте
В тихой, сиренью заросшей обители
Тлеют их бранные кости.

Встану, пойду по единственной улице,
Здесь не бывал я давненько.
Память встревожена, сердце волнуется –
Вновь предо мной деревенька.

Вот, впереди, на прогретом пригорочке,
Там, где жасмин расцветал,
Жил дядя Саня, кузнец, у которого,
Помню, – не раз ночевал.

Дядя Кузьма, рыболов очень опытный,
Дальше по улице жил.
Где твоя лодочка, та, на которой ты
К острову плавать любил?

Зверевых дом, где во время минувшее
Свадьба гуляла и пела...
Нет уже дома. Травой всё заглушено.
Сколько же лет пролетело!

...Вот и прошёл я дорогой заросшею
Всю деревеньку до края,
Вспомнил о жителях всех по-хорошему,
Да и плохих я не знаю.

В дальней деревне собака голодная
Воет протяжно и глухо...
Чу! Испугался: ворона пролётная
Каркнула в самое ухо.

ЛЕТНИЙ ЭТЮД

На землю солнце уронило
Последний луч к исходу дня.
Лучом полянку осветило
И мелкий ельник возле пня.

И гриб под старую осиною
Вдруг вспыхнул ярким кумачом.
...На лес спускался вечер синий,
Согретый солнечным лучом.

НА КОНКУРС «ВОТ СИЖУ Я У ОКНА...»

ВЕДУЩИЕ КОСТИ

Фантастическое место – кресло у окошка. Сидишь в нём расслабленный, смотришь сквозь стекло на настоящее, а видишь прошлое...

Набухшая тальми водами земля реактивной струёй вылетела из-под колёс. Наш редакционный «луноход» - полупассажи́рский, полугрузовой вариант «запорожца» (в ту пору ещё не «иномарка» самостийно-незалежного производства) – рыскнул носом, хлебнул из большой лужи жирной грязи, дёрнулся и затих.

-Шабаш! – констатировал шофёр, - приехали. Сами не выберемся.

- Чёрт-те что, - в сердцах бросил я. – Как быть прикажешь...

-Да что я-то, - водитель как всегда стал искать причины в плохой дороге. – Кто знал, что такая лужа разольётся. За трактором в деревню возвращаться надо.

Идти добрых пять километров по раскисшей дороге, честно говоря, не улыбалось. Устав спорить, кому всё же придётся чапать на центральную усадьбу за подмогой, закурили.

Успев сделать по две-три затяжки, сквозь шум мы уловили какое-то тарахтенье, сопровождающееся скрипом, фырканием.

Из-за поворота дороги, рассекая хлюпающую жижу, выплыла, влекомая каурой лошадкой, телега с восседавшим на передке мужичком в телогрейке и порыжевшем треухе, одно ухо которого оптимистично глядело вверх, другое - не менее скептически вниз.

Лихо подкатив к машине, возница остановил лошадь и неопределённо хмыкнул в усы.

-Что? Застряли? Ни туды, значит, не едете, ни сюды. Моя Буланка в этом отношении во сто крат выгоднее.

-Скажешь тоже, - начал «заводиться» шофёр. – Была бы дорога хорошая ...пока ты своим... паром тарахтишь, мы то уж где будем.

На ту тираду мужичок ничего не ответил, лишь хитро улыбнулся. Тронув Буланку, он по обочине дороги обогнул нас и остановился на краю лужи. Достал из кармана баночку, в каких обычно продают леденцы, а теперь дополна наполненную самосадом, свернул козью ножку, и сквозь облака дыма несколько раз повертел головой, стреляя глазами то на машину, то заглядывая под обрез телеги.

-Ну-козь, давай трос или веревку. Сейчас скумекаем, как вас вытащить.

С помощью дедка да Буланки, хоть и не скоро, но удалось освободить «луноход» из грязевого плена.

Водитель, поблагодарив возницу, стал обтирать залитый водой движок. А мужичок, усевшись поудобнее на старое место, назидательно поднял обкуранный до желтизны палец:

-Вот так-то...А то – паром, паром. Мой агрегат, видите, какой. Четыре кости – и все ведущие.

Анатолий Васильев,

г. Торжок

• Мы помним вас

Эдуард Степанович
Станиславенко
(псевдоним Ян Бреслав)
1940 – 2010

АЛЬФА И ОМЕГА

(отрывок из романа)

Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний

Апокалипсис

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Был светлый вечер бабьего лета. По просторному небу бежали розовато-пепельные, в серебряной оторочке, облака. Сильный сухой ветер из желтых далей нес в город высокую паутину, пыль и ржаной запах соломы. В пестром сквере перед десятиэтажным зданием ВНИИРа порхали листья, закручивался на аллеях сор и тусовались бойкие стайки подростков.

В квартире инженера Курского на третьем этаже шел контакт с Высшим Разумом. Восемь человек, сидевшие на диване и стульях вдоль стен, глядели на свежую румяную девушку в кресле посередине комнаты. Держась за подлокотники, она блестящими глазами смотрела в стекло книжного шкафа, и напряженные зрачки ее чуть двигались, будто читая.

– Ваш материальный мир укладывается в формулу: жизнь ради жизни, – негромко говорила она под шипение включенного на столе магнитофона. – Но нам не интересны материальные тела, нам интересна чистота вашей души...

Тонкая, как тростинка, Инна Петровна, хозяйка, заглянула в свой листок.

– Является ли человеческое существо, – спросила она, – результатом эволюции земных форм?

– Нет, не является, – ровным голосом ответила Зоя, контактер.

– Но почему у человека именно такая форма?

– Если говорить о физической форме, то... жизнь существовала всегда, но в разных формах. Цивилизации рождались и умирали. Вы одна из них. Это как бы... лаборатория для выращивания душ. Форма особого значения не имеет.

Инна Петровна откинулась на спинку стула, улыбнувшись сидевшему рядом Ланину, русоволосому мужчине в тонких очках, ради которого и задала свой вопрос. Молодой философ, доцент из политехнического, впервые попавший в эту группу, самонадеянно полагал, что что-то делалось специально для него, напоказ, и, с трудом сохраняя невозмутимость, гасил насмешливый блеск глаз. Приглядываясь к соседям, кое-кем он заинтересовался. Статный чернобородый, с пристальным, но мягким взглядом художник напротив спокойно подвинулся вперед.

- Что такое душа человека? - спросил он глуховатым голосом.

- Это энергия, - сказала Зоя.

- Что происходит в душе, когда она испытывает страдания?

- Выброс энергии.

Вопросы, казалось Ланину, задавались в пространство, Зоя лишь озвучивала ответы. Простота обстановки придавала ирреальности осязаемость. Из горящего тернового куста пастух Моисей услышал когда-то голос: «Я есмь Сущий». И воздух комнаты, исторгавший мысли, тоже, чудилось ему, дрожал от незримого пламени...

- Что такое Абсолют? - быстро спросил голубоглазый курчавый Миша Федулов, опередив бородатого и вскользь виновато улыбнувшись ему.

- Энергия высшего уровня.

- Имеет ли душа какое-либо отношение к Абсолюту?

- Она принадлежит Абсолюту.

(продолжение на стр. 6).

(начало на стр.5).

- Какова его функция?

- Ни одна цивилизация не может пройти дальше Абсолюта. Сейчас вы не можете его понять...

Несмотря на общее сосредоточенное внимание, контакт для собравшихся был событием рядовым, но Ланин испытывал волнение. Не потому, что можно было немедленно прояснить какой-то вопрос, - он постеснялся бы и задать его, - поразило созвучие услышанного его собственным мыслям. «Все – энергия... альфа и омега бытия, - думал он очарованно. - Где ее нет – нет абсолютно ничего, даже пустоты. Материальные тела – только более плотные сгустки энергии... И такие простые вещи до сих пор не очевидны...»

- Что для нас важнее: развитие духовности или энергетический уровень? - спросил сухощавый, тонкий, под стать жене, Курский, покручивая в пальцах проволочную рамку.

- Это одно и то же, - был ответ.

- Как соотносится деятельность «Союза» с нормами человеческой нравственности? - спросил лысый, круглый, как арбуз, Зотов, отдаленно знакомый Ланину по лаборатории пластмасс; что «Союз» - условное название систем Высшего Разума, с которыми контактировала группа, он уже знал.

- Нет нравственности человеческой, нравственность - христианская, и «Союз» ею руководствуется, - молвила Зоя.

- Молитва - это ритуал, или она несет энергетический заряд? - допытывался Зотов.

- Это заряд, получаемый от нас молящимся.

- До каких уровней доходит молитва?

- Смотря кому направлена.

- Не устарели ли молитвы?

- Нет.

Ланин перестал уже удивляться, но религиозный интерес Зотова, о котором он слышал как о дельном расчетливом хозяйственнике, казался ему странным.

- Что такое пост и чему он служит? - подхватил тему кудрявый Федулов, практиковавший однодневные голодания.

- Пост - это очищение энергии.

- Является ли религия обязательной ступенью повышения духовного уровня? - спросила Инна Петровна, угадав сомнения Ланина.

- Нет, религия - один из способов повышения.

- Какая религия абсолютна? - уточнила Инна Петровна.

- Абсолютной религии нет. Есть единая направленность для вас, это христианство.

- Но почему на земле разные религии?

- Разделения религии нет. Это эксперимент, проверка той или иной веры. Религия, хотя и имеет несколько направлений, одна, и вера истинная должна быть единой.

- Но многие люди, атеисты, - заметила, переглянувшись с Ланиным, Инна Петровна, - полностью отвергают религию.

- Люди, отвергающие религию, часто имеют высокую энергетику, духовность. А иные верующие в сложных ситуациях продаются, материальное благополучие оказывается для них выше. Атеисты, о которых мы сказали, имеют веру внутри себя и поддерживают ее своими делами, поступками, жизнью. Можно не ходить в церковь и иметь настоящую веру.

Ланин потупился: в церковь он не ходил и не молился. Но не был и полным атеистом, признавая высшее начало, которое именовал Законом, Абсолютом, бесконечной энергией... Почему бы не называть его богом? Потому, он считал, что такой бог, который – всё во всём и которому всем во всём должен следовать человек, - вовсе не культовый бог церкви, коему довольно ритуалов, коленопреклонений и молитв...

- Революция в России убивала в людях духовность, - подал голос угрюмо молчавший в углу бледнолицый Мокеев, лаборант. - Была ли она так необходима?

(продолжение на стр. 7).

(начало на стр. 5-6).

- Не огорчайтесь. Это была проверка силы вашей веры.

- Можно ли вернуть человеку веру в бога? - вставил энергичный Зотов; похоже, это имело для него личный интерес.

- Вернуть - не надо. Вера придет к человеку сама. Она и возвращается, но не та, что раньше. Когда люди верят, и вера настоящая, на Землю поступает совершенно иная энергия, и иная энергия уходит от людей в космос.

- Почему на долю русских выпало столько бед и испытаний? - спросил мрачный Мокеев, не удовлетворенный, видимо, ответом, и потрогал рукой ухо.

- Русские - сильная нация. После существования на уровне русских вы выходите в поле «Союза».

- А в чем сила русской нации? - заблестел глазами Федулов.

- Каждая сильна по-своему. Но комплекс получается у русских. Вы можете признать это и радоваться: вы сильная нация.

Произошла небольшая пауза, и хозяйка быстро, вопросительно всех оглянула. Зотов вскинул руку.

- Был ли контакт с людьми при посадке НЛО в Дулеевке? - спросил он о нашумевшем в городе случае.

- Да, был.

- НЛО - это материальные объекты?

- Они разные.

- Посылает ли на Землю свои объекты «Союз»?

- Иногда. Но объект «Союза» нематериален. Это светящийся шар.

Зотов захлопнул свой блокнотик и огладил блестящую лысину.

- А можно... - бородатый художник, волнуясь и заметно побледнев, взглянул на Инну Петровну и Зою, - можно личный вопрос?

- Да, спрашивайте, - сказала, не оглядываясь, Зоя.

- Один из нашей группы... Он пишет... ну, рисует... - медленно, запинаясь и начав вдруг багроветь, заговорил тот о себе, - имеет ли он право сделать работу... картину об Иисусе Христе? - С совершенно красным лицом художник умолк, уставясь отрешенно на Зою. - А если можно, то надо ли... имеет ли это смысл?..

Зоя несколько мгновений в совершенной тишине смотрела перед собой, потом тихо сказала:

- Да... да.

- Ночью человек только отдыхает? - спохватился вдруг Федулов.

- С вами работают и ночью, вы получаете энергию и информацию. Но к вам липнут всякие сущности. Поэтому на ночь ставьте защиту, и обязательно - молитва.

- Спасибо, у нас все вопросы, - подытожила Инна Петровна. - Вы можете дать оценку нашей работы?

- Хотим призвать вас к большей ответственности, - сказала, не меняя тона, Зоя. - Нас интересуют не только ваши вопросы, но и ваши действия на основе полученных ответов и их осознания. Вы должны выработать решения и переходить к конкретной деятельности. Деятельность и есть самое ценное. Настойчивее работайте над собой. Каждому из вас дана будет частичка энергии. К вам будет притягиваться все больше людей, и вы должны помочь любому, кто в этом нуждается. Это обязанность и сущность ваша...

Зоя замолчала, закрыв глаза, свесив расслабленно кисти рук, и минуты две сидела неподвижно, не обращая внимания на зашелестевшие и все громче становившиеся шепотки, возгласы и перемещения. Потом встала и обернулась - свежая и улыбчивая, как до сеанса.

- В наших вопросах много случайного, хаотичного, - сказала она, оглядывая всех блестящими живыми глазами. - Надо, чтобы у каждого было что-то свое... Или будем намечать общую тему.

(продолжение на стр. 8).

(начало на стр. 5 -7).

К удивлению Ланина, она не осталась, хотя Федулов с Зотовым уже повернули и подвинули ей кресло, а направилась в прихожую. Встали, разминаясь, еще несколько человек, поднялся шум, беспорядочный говор. Ланин, преодолевая неловкость, торопливо вышел за девушкой.

- Извините, Зоя... Может быть, все это знают, но мне непонятно. Как вы принимаете информацию? Словесно, визуально или... Вы можете сказать? – смущенно, робея даже, говорил он, забыв, что он преподаватель, перед которым так же вот смущаются и робеют молоденькие, как Зоя, студентки.

- Да, я получаю информацию пучками, - улыбнувшись ему, просто ответила Зоя. – Пучок – это импульс о контакте.

- Но каким образом...

- Ну, это как бы экран, на котором текст... вроде морзянки или «бегущей строки».

- Интересно... Очень интересно, - только и нашелся Ланин.

II

В квартире после ухода Зои стало еще шумнее и тесней. Зотов, раскинув толстое тело на диване, громко, с юмором и снисходительностью к слушателям рассказывал о своем трехдневном голодании. Курский, присев к столу, делал рамкой замеры и что-то записывал в большой общей тетради. Мокеев, постукивая ладонью по раскрытой «Интегральной йоге», толковал Федулову о медитации.

- И регулярно, постоянно так... - сказал он, взглянув на подсевшего к ним с любопытной улыбкой бородача Волхова.

- Это понятно, - согласился Миша, с насмешливым недоверием посмотрев на художника. - Это ты о какой картине говорил, об Иисусе Христе? - спросил он с миной недоумения.

- Да так... - замялся Волхов, испытывая теперь неловкость за свой вопрос. – Я тоже это пробовал, - кивнул он на раскрытую книгу.

- Ну, как вам, Игорь Павлович? - обратилась хозяйка к вернувшемуся Ланину. - Вам интересно?

- Пока осваиваюсь. - Ланин присел с улыбкой рядом. - Любопытно, не скрою...

- Но замечание нам правильное! - энергически говорил Зотов. - Надо приходиться уже с результатами, с чем-то своим. Работать надо! – В голосе его уже чувствовалось превосходство лидера. - Мне хвалиться особенно нечем, - прибавил он скромно. - Вот с Мишей тела исследовали, от эфирного до каузального, в их связи с чакрами. Материал очень интересный... Расскажи, Миш, у тебя там рисунки! – небрежным жестом отмахнул он всех к Федулову.

Федулов, широко и радостно улыбаясь, смотрел в раскрытую тетрадь и при последних словах Зотова покрутил головой, вздохматив свои и без того растрепанные кудри.

- Это мне и самому удивительно! - сказал он, как-бы еще не придя в себя от изумления. - Вот тут все схемы в цвете, лучше самим посмотреть... - поднял он тетрадь с рисунками. - Это вот эфирное тело, оно светлое и выходит за контуры человека... Второе - астральное - вокруг, как матрешка... - И, вопреки своей растрепанности и восторженности, Миша четко, педантично и очень подробно рассказал о формах и цветах всех тел.

«Бред какой-то, - думал с усмешкой Ланин. - Ему-то откуда знать?»

- У нас тут у каждого свой конек, - с заговорщицкой улыбкой наклонилась к нему Инна Петровна. - У Миши вот более философский склад. Зотов у нас «видит» и «летает»... Да, да!.. - воскликнула она на его недоверчивый взгляд.

«Вот в компанию попал», - думал, иронизируя над собой, Ланин. Впечатления от общения с неземным «Союзом» и от самой группы были совсем непохожи. Заметив, что на них обращают внимание, Инна Петровна встала и, порозовев и улыбкой приглашая всех, сказала:

- Извините... Я объясняла Игорю Павловичу, что у каждого тут свои наклонности, свое направление...

(продолжение на стр.9).

(начало на стр. 5-8).

- Свой канал! – уточнил Зотов.

- Да, каждый чем-то владеет. У Андрея Ивановича вот, - кивнула она на мужа, - графический прием информации. Олег Федорович, - глазами указала она на художника, - видит «картинки»...

- Ах, бросьте, Инна Петровна, - отмахнулся, морщась, Волхов. - Какое «видит»!..

- Ну, все равно что-то, - сияющей обезоруживающей улыбкой остановила его хозяйка. - Так что не удивляйтесь, - обернулась она к Ланину. - И вы, если будете приходить, что-нибудь нам откроете.

- Ну, я-то что... - смутился Ланин, почувствовав всю свою незначительность среди столь продвинутых людей.

- Почему ж, - возразил Федулов, уставясь в него блестящими, как голубая эмаль, глазами. - Я слышал, у вас интересная энергетическая теория!

- Ах, это... - засмеялся Ланин, смутясь напыщенностью фразы, но польщенный, что о нем слышали. - Это только философия... - Но, видимо, желание быть приятным новым знакомым включило генератор мысли, искра сверкнула, и появилось соображение, показавшееся удачным. - Я оперирую лишь понятиями, - прибавил он, прикрывая усмешкой смущение. - Ну, к примеру... Закон сохранения энергии – это закон физики... Но этот же закон для природы органической – закон неуничтожимости жизни. А для мира духовного он - закон бессмертия души. И сама душа, энергия ее, подчиняется в процессах энергообмена тому же закону. Если отдает больше, чем получает, то душа - излучающая. А отдавая больше, она и обратно, по закону сохранения, получает больше и - увеличивается, растет, развивается... И наоборот. Если отдает меньше, чем получает, часть присваивая себе, то душа - поглощающая. А отдавая меньше, она и получает каждый раз меньше и - сжимается, деградирует. Первые, что отдают, излучают, - души светлые. Вторые, что присваивают и поглощают, - темные. Вот элементарное, на школьном уровне, объяснение светлых и темных... - Ланин, слегка разведя руками, пожал плечом и умолк.

- Замечательно! - воскликнул Курский. - Это надо записать.

- Хорошо, очень хорошо! - радостно улыбалась Инна Петровна. - Просто, ясно. А вы говорите...

- Нет, серьезно? - удивился Ланин, но одобрительные возгласы убедили его, что экспромт удался, он даже покраснел. - Ну, я рад...

- А у вас, Олег Федорович? - обернулась хозяйка к Волхову. – Есть что-нибудь новенькое?

- Да ерунда, и говорить нечего. Как-то я про мужика смуглого рассказывал, помните? Ну, опять видел. Совершенно тот же, только без гримас. Просто посмотрел на меня - и в сторону, губы шевелятся, будто с кем-то меня обсуждает... И все.

- Вообще ничего больше?

- Да ерунда, говорю. Какая-нибудь стена, барельеф, буквы объемные... Бессмыслица!

Когда все наговорились, а Курский с Мокеевым замерили рамками энергетику каждого, Зотов предложил медитацию на Землю.

- Напомните нам, Анатолий Ильич, - попросила Инна Петровна. - Руки на коленях ладонями вверх, глаза закрыты, так?

- Да, представим, что мы внутри голубой сферы, которая есть Земля, и направим на нее свою энергию. Начали!

В наступившей тишине, выставив ладони и зажмурясь, все расслабленно успокоились. Ланин тоже закрыл глаза и несколько минут спокойно думал. Ему смешно было, и губы невольно морщились при мысли о коллегах и студентах, видевших бы его сейчас со стороны. Приоткрыв веки и оглянув сосредоточенные тихие лица, он опять зажмурился и пробовал «лучиться» энергией, но все это казалось такой детской забавой, что опять становилось смешно...

Минут через десять все зашевелились и заговорили, обсуждая ощущения.

(продолжение на стр. 10).

(начало на стр. 5-9).

- Послушай, - говорил Зотову Волхов, поблескивая глазами на остальных, Ланина в том числе, приглашая в собеседники. - Мы хотим развить паранормальные способности - видеть, слышать и даже перемещаться в астральном мире...

- И не только в астральном.

- Да... И тратим на это массу времени и сил. А ведь каждый после смерти получит это даром, без всякого труда... так?

- Ну, так.

- Тогда – зачем это? Ведь духовный мой уровень останется такой, как здесь. Не лучше ли постараться подрасти духовно? Разве не для того мы и рождаемся на земле?

Зотов смотрел на Волхова и не отвечал, как бы раздумывая или ожидая, не скажет ли тот еще.

- Это как картошка! - прибавил вдруг, расплывшись в улыбке, Волхов. - Захочет какой-нибудь клубень скорей на свет - и вылезет. Оно приятно: солнце, дождик, ветерок... А другой долго зреет в земле, и выкопают его лишь осенью. Зато ж это - клубень... с кулак! - показал Волхов свой здоровенный кулак. - А не тот орех зеленый, что проветривался!..

- Ну и сравнения у тебя... - сказал насмешливо Зотов и отвернулся.

- Не в сравнениях дело!

Некоторые уже вставали, собираясь уходить. Волхов подсел ближе к Ланину.

- Знаете, вы меня сразили, - сказал он с бесцеремонной и обезоруживающей простотой, обыкновенной среди художников. - Меня очень это интересует: энергия... Считается, что тьма - отсутствие света. Но - нет, и вы прекрасно объяснили! Тьма - не отсутствие, а поглощение энергии. Замечательно!

- Это интересует вас профессионально?

- Да, если хотите... У меня своеобразное направление.

- Вы же художник?

- Я и говорю о живописи. Я ее называю... - Волхов замялся, смутился даже, - совершенно условно, конечно: энергоживопись.

- Любопытно.

Между тем почти все уже толклись в прихожей.

- А давайте дорогой договорим! - предложил Волхов, и они тоже встали.

III

На дворе была уже ночь. Между ватными, низко бегущими облаками появлялась и исчезала луна. Порывисто, со свистом, шумели и шуршали, размахивая ветками, деревья, качались со скрипом фонари, и по тротуару, по ворохам катившейся сухой листвы металась беспорядочные тени. Сильный тугий ветер гулял над городом. Тускло блеснув, выкатилась опять луна, заливая радужным фосфорическим сиянием груды мятущихся облаков, и Волхов, задрав бороду, замер с улыбкой восхищения.

- Прелесть! - воскликнул он. – Это невозможно... что за роскошь! Посмотрите, какие цвета!

Ланин, улыбаясь на его порыв, тоже поднял голову.

- Я сам такую погоду обожаю. Ветер, фонари качаются, свет и тени...

- Да, да... Но какая игра красок! - Волхов покрутил восторженно головой и все поглядывал потом на небо.

- А знаете, отчего ветер? - спросил с улыбкой Ланин.

- Ну, это...

- Я знал это еще сопливым мальчишкой. Оттого, что деревья ветками машут.

Волхов рассмеялся.

- Вы вот смеетесь, а это уровень современного материализма. Как деревья производят ветер, так материя производит движение. И на таком вот сопливом уровне...

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 5-10).

На первом курсе у мальчика случилось сильное и болезненное увлечение, – похоже, безответная любовь, настоящая драма, и у нее сердце ныло при виде вертеровских его страданий. И когда, как о жизни и смерти, страшно волнуясь, он заговорил о какой-то однокомнатной квартирке близ института, она сняла ее ему, нимало не задумавшись. Даже в том, что учеба не заладилась и институт сыну не нравился, она винила себя и обдумывала теперь, как поправить дело. Безапелляционный его тон и решительность ее озадачили, но она надеялась все ж смягчить как-то и уговорить. «Утро вечера мудреней», – все повторяла она застрявшую в голове поговорку, и так с ней и задремала.

2

Олег долго ворочался и не мог уснуть на своем диванчике. «Козел!.. – вспоминал он обидные слова отца. – На шее я у него сижу!.. Сам чепухой всякой занимается, больше тратит, чем зарабатывает... и он же меня учит! Коз-зел!»

Он уверен был, что у него получится. Ничуть не сомневался, что мать поддержит, – хотя бы первое время. Пока встанет на ноги. А потом... о, потом он им покажет! Он неясно представлял это лучезарное будущее, свой праздник жизни, но восторженный гул, почти рев – «Олег Изотов!!!» – слышал так явственно, будто тысячи голосов кричали о нем за окном. Это проходили по улице снегоуборочные машины.

И она, конечно, услышит. Узнает! Он представил ее растерянную улыбку на свежем, в алых пятнах, лице – где-то там, внизу, среди сотен других лиц. Снизойдет он до нее? Вряд ли. Зачем? У него будет таких, сколько хочешь. Их будет... вот целая толпа бросается к нему, едва вышел из машины. «Мерседес»? Ну, не «жигуль» же, как у Толяна. А Толян... останутся они дружны? Возможно. Но вряд ли. Там будут другие люди, новые друзья. Холодные, могучие гиперборейцы, жители вершин...

Тут насмешливые слова отца: «сверхчеловек, мать, у нас вылупился», – пришли на память, и обидный опять «козел», и снова он пошел по кругу, понимая, что должен перестать, прекратить это, если хочет уснуть. Попробовав «отключиться», не смог все ж совсем не думать, и в голове стоял сумбур, сквозь который он задремывал, просыпался и опять задремывал, не понимая, во сне думает что-то или наяву.

Неожиданно привлекли голоса: в спальне разговаривали отец с матерью. Он догадался, что о нем, но его это не интересовало, и он лишь улыбнулся в темноте в потолок. «Иди своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно», – пришла на ум чья-то фраза. Не имело значения, что они там говорят, но приглушенные голоса раздражали и беспокоили. «Уснуть не дадут», – подсадовал он, заворачиваясь с головой в одеяло, и вдруг какая-то «лоботрясина» долетела и огорошила его. Он живо приподнялся и наострил уши. «Оболтус, вот кто... дрянь парень», – различил он оглушившие его слова, – кровь бросилась в голову, и он не слышал продолжения. Да и не хотел слышать. Во рту пересохло, он проглотил слюну. «Ах, вот как! – подумал он с колотившимся сердцем. – Ах, так!»

Он упал на спину, глядя широко в потолок. «Что же делать?» Первой мыслью было одеться и уйти. Это бы лучше всего. Но холод ночи его остановил. Ладно, утром.

«Но какая гадость, какая гадость!.. – думал он о случившемся. – Нет, конечно! Ноги моей здесь больше не будет! Ах, болван... и я приезжал сюда, как домой!»

«Я приехал не за деньгами, – говорил он мысленно отцу, воображая, как скажет ему это утром. – Я знал, на что иду, и на вашу помощь не рассчитывал!.. («вашу» или «твою»?) на твою помощь не рассчитывал! Ноги моей здесь больше не будет! – Да, скажу это и уйду. Только он подумает, что я для того, чтоб и ему потом не помогать. – Я не настолько подлец, чтобы не помогать родителям!.. – скажу я. Да, я не подлец. Но я лишу его большего – лишу своей любви...»

Эти и похожие мысли навязчиво и беспокойно клокотали и бурлили в нем. «Дурак, спи! – говорил он себе. – Все тебе ясно, спи!» Закрывшись с головой, он пытался придушить их и достигал на минуту цели, но едва забывался, все снова повторялось.

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 5-11).

Волхов, оценив шутку, расхохотался.

- ...да, делается философия и здравствует целая философская система, - закончил, тоже смеясь, Ланин.

- Мне это близко... Я очень это понимаю! - быстро, будто подгоняемый ветром, заговорил Волхов. - Все течет, все - живой поток... Куда ни глянь - изменения, переходы, переливы. В юности любимым занятием моим было следить утром и вечером за небом, за переходами цветов... Я не успевал наносить их на бумагу! И тогда уже понял: не бывает картин совершенных. Потому что, какое б мгновение ни ухватил, оно уж остановлено, уже застыло и - мертво! И мне, знаете, снились картины - вполне натуральные, в рамках! - с подвижным изображением. Это уже в подсознании, что ли... да? - глянул он вопросительно на Ланина.

- Так вам бы кино надо, а не картины, - посоветовал тот.

Волхов развел руками.

- Как сложилось... Только - нет. Кино - это сюжет, рассказ. А я о картине живописной, об отражении... Или, скорей, о восприятии. Как видишь, так и отражаешь. То есть... - Видно было, что он с трудом выстраивал объяснение, и Ланину захотелось помочь.

- Да, в этом все дело, - согласился он. - Что такое для нас мир: материя и тела или энергия и движение?

- Ну да! Конечно! - воскликнул, взмахнув рукой, Волхов. - Ведь как мы, большинство, живем? Домик на берегу, огород, деревца, мостик через речку. Все твердо, прочно. И даже вода в речке - не поток, а гладь, глянешь сверху: те же, как в зеркале, дом и деревца... А войди-ка в лодку и оттолкнись от берега! - Волхов приостановился даже и за рукав Ланина дернул. - Не гладь уже, а журчит все и пенится... и дом с деревцами мелькнули и пропали! И самого уже качает, вертит - никакой тебе прочности... Все - поток, движение, скорость! А? Суть в том, откуда смотришь. Вот и я, не знаю, почему, на все смотрю, как из лодки. Ну, изображу я эти деревца, дом, мостик - и что? Их и так каждый дурак видит. Нет! Вся прелесть в движении! Но раз я не умею передать его на картине, то пытаюсь выразить хотя бы смысл... Невидимый глазу смысл, понимаете? И это вот - энергоживопись...

Ланин, не ожидавший такого поворота, поднял бровь и усмехнулся.

- Представить, признаться, трудно.

- Ну, конечно! Конечно... Надо видеть. А я рассказываю, осел! - остановил себя, хлопнув рукой по боку, Волхов. - Так, может, ко мне зайдём? Тут квартала два за переездом... - он замедлил нерешительно шаги.

- Поздновато, - сказал с сомнением Ланин. - Беспokoить...

- Так в мастерской же! - перебил художник. - Я полдомика тут снимаю... Никого не обеспокоим!

Поколебавшись мгновение, Ланин согласился, и они повернули к переезду. За железной дорогой пошли деревянные дома с заборами и садами, и ветер, уже не сдерживаемый многоэтажками, вконец распоясавшись, бесшабашно взметал и носил по улицам листву, гнул деревья, страшно шумя растрепанными кронами, стучал досками крыш и заборов. Небо, ставшее тут выше и шире, казалось огромным холстом, на котором гуляка ветер, причудливо мешая краски, живописал облаками и светом. Возбужденный Волхов с улыбкой восторга, то и дело взмахивая рукой, как бы порывался и, захлебываясь, все не мог что-то сказать, и до Ланина доносились лишь короткие неопределенные возгласы.

На этом мы заканчиваем печатать роман Э.С. Станиславенко (псевдоним Ян Бреслав) в газете «Светлячок».

Прочсть весь текст можно будет на литературной карте нашего сайта. Там же размещены и романы Э. Станиславенко «Светотени» и «Роса водолея».

Адрес сайта: <http://andreapol.tverlib.ru>

• Пошла писать губерния

ДЕРЕВНЯ

Умирает деревня у всех на глазах,
Никому нет до этого дела.
Здесь когда-то работа кипела в полях,
А теперь всё вокруг опустело.

Шум комбайнов не слышен и гул тракторов,
Хлеб не сеют и не убирают,
Не гуляют бурёнки в зелёных лугах,
Всё бурьяном вокруг зарастает.

Молодёжь едет в город устраивать жизнь,
Не нужна на селе она стала,
И, похоже, что наша российская власть
К нам совсем интерес потеряла.

МОТЫЛЁК

Вновь стремится к свету
Мотылёк ночной
И стучит в окошко,
Словно заводной.

Но стекла преграду
Не преодолеть,
Видеть свет он может,
Не может долететь.

Он стучит в окошко,
Бьётся, будь здоров,
И жалко мне немножко
Пустых его трудов.

**Олег Соколов,
п. Бологово**

* * *

Возьмите меня с собою,
Белые облака,
Туда, где моей мечтою
Резво бежит река.
Там солнце так нежно греет,
Там домик с резным крыльцом.
Там сказочно добрые звери
Узнают меня в лицо.

ЗИМНИЙ САДИК

Я посмотрю в окно
На спящую природу.
Душе сейчас тепло,
Душе сейчас свободно.
Стоят берёзы голые,
Накрыты чуть снежком,
И ветви их тяжёлые
Сверкают серебром.
Я в это время зимнее,
В морозные деньки,
Возьму да и придумаю
Прекрасные цветки.
Никто не замечает их,
Хоть смотрит в палисадник,
Как вырос там нечаянно
Цветущий зимний садик.

**Анна Бигарь,
14 лет,
п. Бологово**

* * *

Кружится снег, кружится снег,
В вальсе своём танцуя,
И в никуда в этом снегу
Тихо бреду я.

А по весне весь этот снег,
Весь этот снег растает.
Лишь у меня он на висках
Белый свой след оставит.

* * *

Одиночество, одиночество,
А так хочется быть вдвоём,
Положить на плечо тебе голову,
И, быть может, ещё споём.

Песню грустную, журавлиную,
Улетаешь ты, да и я...
Ничего, ничего не поделаешь,
Видно это такая судьба.

Одиночество, одиночество.
И пустое-пустое окно.
Если стукнет кто, крикнуть хочется:
«Заходите, открыто давно».

**Александр Павлов,
г. Андреаполь**

Валерий Трофимов

Шаклатые

РАССКАЗ

В первый день 2006-го года мы с отцом Александром возвращались из Закликов, где на старинном приходском кладбище он отслужил панихиду по усопшим в небольшой рубленой Никольской часовенке. Я прислуживал ему там, подавал кадило.

Погода радовала. Было солнечно, белоснежно и празднично. И я всё не мог отделаться от радостного ощущения, что будто наступила долгожданная весна.

- Хочешь историю расскажу одну!? – не отвлекаясь от дороги, и умело управляя своей машиной, обратился ко мне батюшка.

Погружённый в свои весенние ощущения, я не сразу и ответил.

- Так хочешь историю послушать!? – и он быстро глянул на меня.

Я согласно закивал головой.

- Ну, так слушай! – продолжил он, глядя уже на дорогу, и щурясь от яркого солнца, – Есть у меня бабка одна знакомая. Как-то недавно обратилась она ко мне за помощью: нужно, мол, дом освятить. В договорённый день приезжаю к ней, начинаю разбираться, что да как. И она мне жалуется, что в последнее время ни днем, ни ночью нет ей совсем покою. Кто-то постоянно изо дня в день то стучит, то ходит в соседней комнате или под окнами дома топчется. Она глянет, окликнет – вроде никого и нет. Невмоготу ей это уже стало, да и поняла, что дело тут явно нечистое.

Ладно, - думаю, - не ты первая, не ты последняя. Отслужил, как полагается, водосвятный молебен. И освятил святой водой весь её дом с пристройками, хлебом и баней. Но перед тем поговорили мы плотно, пояснил ей, отчего могут происходить такие явления. Она мне исповедалась, и причастил я её на дому, как болящую. Распрошались.

Через несколько дней, однако, звонит: “Батюшка, приезжайте – нужно срочно поговорить”. Надо так надо, еду к ней, недоумеваю, правда: о чём ещё можно говорить? В прошлый раз всё подробно обсудили.

Приехал. Она мне и рассказывает: “Вот, батюшка, какое дело: пару дней после освящения, дома всё было тихо. Уж так я радовалась, так радовалась, что и не сказать как. Но на третий день занимаюсь как обычно своими делами на кухне. Вдруг слышу детское пение в большой комнате. Удивилась я сильно. Ведь знаю, что радио там выключено, телевизор сломанный стоит. Прислушалась, - точно поют! И пение такое сладостное, такое чистое, что и не описать, как за сердце хватает та мелодия. Вот только слов, жаль, не разобрала совсем, как ни прислушивалась. Мне хоть и страшно было, но, засомневавшись, – может, всё-таки радио работает? - глянула в ту комнату: - никого! И песня тут же смолкла. Что за диво такое, - думаю, - померещилось что ли!? Опять пошла на кухню. Только дверь в комнату закрыла - вновь запели. И так опять чисто, так правильно, по голосам разложено, что я не выдержала: “Мальчики! – говорю им через закрытую дверь, - Что ж вы меня пугаете!? Чего сами прячетесь!? Хоть покажитесь! И зачем сейчас поёте? Вот как понесут меня в гробу на кладбище, вот тогда-то лучше и спойте, что б и люди все слышали ваше пение”. Но ничего мне не ответили, и опять никого я там не увидела, а петь в тот день всё же перестали.

- Но это не всё, - говорит, - батюшка, ты только послушай, что дальше было. А на завтра нездоровилось мне. Я на печку и полезла кости старые погреть. Лежу, думаю о своём житье-бытье. И вдруг опять запели те же ребята, но теперь уже прямо на кухне. А лежанку мою на печке от кухни отделяет лишь занавесочка ситцевая. Вот и потянулась я к ней, чтобы хоть краем глаза увидеть певцов тех. Глянула в щёлочку - ах, лихоньки! - и обомлела вся. Не поверите, батюшка, увидела ведь я ребят тех. Возле вот этого стола, за которым и сидим сейчас, на этом самом месте, - ткнула она рядом со столом, - Стоят двое, небольшие (рукой так же показала рост от земли пятилетнего ребёнка), шаклатые такие, и поют разными голосами, да так опять складно и красиво, что не сказать и представить себе невозможно, а слов опять не разобрать.

(начало на стр.14).

Я, уже не помня себя, отдернула ту занавеску, хотела что-то сказать им, и сама не заметила, как свалилась с печки и убилась об пол. Так и пролежала, не знаю сколько на полу. Никаких сил не было встать. Ребят же вновь как ветром сдуло. А, отлежавшись, поднялась кое-как. И, прежде всего, добрела сюда, где пели они. Ведь сомневалась всё: наяву ли это было? А тут глазам своим поверить пришлось: увидела там два пера на полу. “Хошь, – говорит мне, – покажу?” И отворачивает клеёнку на том кухонном столе. И вот, представляешь, действительно вижу одно небольшое пёрышко, так похожее на свежесвыдранный из птицы какой - с белой нежной опушкой внизу, но само перо необыкновенное – какое-то сизое, невообразимого цвета. Оно явно неземного происхождения – это веет от него, чувствуется всей душой. И всё не могу забыть цвет его, ибо не видел я за всю свою жизнь такого сиренево-сизого оттенка. “А другое, – говорит, – я потеряла. Осталось только это”.

- Так-то, брат мой во Христе, – негромко, с задумчивой интонацией закончил свой рассказ батюшка.

- А то, что ангелы эти не Божьи, - после некоторого молчания продолжил он, - говорит сам факт падения бабки с печки. Сам подумай: допустили бы Божьи такое!? Да нет, конечно. То бесы искушают бабку. Она ведь до сих пор искренне считает, что то видение ей от Бога якобы было. В превозношение и самолюбование даже впала, вон, даже просила их петь на её похоронах, чтоб, мол, и люди видели какой ей почёт от Самого Господа Бога.

Батюшка вновь помолчал, затем тяжело вздохнул и продолжил:

- Видно грехи нераскаянные есть ещё за ней, хоть и каялась до того мне. И грехи-то были тяжёлые у неё! – сочувственно покачивая головой, протянул батюшка, - Только не могу тайну исповеди разглашать. А, видно, есть что-то такое, в чём признаться до сих пор не может. Намекнул я ей об этом, но промолчала пока. Трудно ей, видно, решиться до конца душу облегчить. Вот и имеют бесы власть ещё над ней. И, смотри-ка, как после освящения дома перегруппировались и тактику изменили, и опять за своё принялись – донимают и искушают её. Не без успеха, прямо скажем. Во, какие чудеса творятся на белом свете, сам бы не увидел – не поверил бы ни за что!

Я, поражённый услышанным, лишь через некоторое время нашёлся спросить: “Батюшка, а что значит “шаклатые”?”

Он усмехнулся, глянул на меня с улыбкой:

- Пушистые значит, шаклатенькие такие, неужель не слышал ещё, как народ у нас здесь говорит!?

• Новые стихи

Нина Шандаевская

Когда на душе тяжело
И кажется – выхода нет,
Рук маминых вспомни тепло
И глаз её ласковых свет.

Почувствуй, что рядом она,
Что голову гладит ладонь.
Сейчас мама тоже одна –
Зажгла у иконы огонь.

«Всевышний тебя сохрани», -
Услышишь молитву в тиши.
Ты маме своей позвони,
И свалится камень с души.

* * *

В далёкой милой стороне,
Которую зовут глубинкой,
Иду по скошенной стерне
Заветной старую тропинкой.

Здесь с детства люблю всё до слёз:
И синь небес, и ширь полей,
И дружный хоровод берёз,
И речки бег между камней.

Поутру крынка молока
И хлеб душистый из печи,
И как с любовью бабушка
Пекла на Пасху куличи.

Храня всё в памяти своей,
Деревне милой поклонюсь.
Нет места ближе и родней,
В моей любви к ней признаюсь.

* * *

Средь перепутий жизненных дорог
Найди одну прямую, без извилин,
Пройдя её, у финиша чтоб мог
Почувствовать себя счастливым.

Пусть кто-то сокращает этот путь,
Пусть в гору поднимается быстрее,
Удачливей, проворней будет пусть,
Ты не спеши, пройдя её скромнее.

Но если позовёт на помощь друг,
Или в беде окажется ребёнок,
Ты поспеши, услышав сердца стук,
Стань лидером дорожных этих гонок.

И как награда первому тебе
В конце пути – людская благодарность
За то, что верно выбрал путь себе,
Спасая молодость и защищая старость.

• Листая старую тетрадь
Валерий Линкевич

Качнет лохматыми ветвями
Седая сумрачная ель,
И унесет меня ветрами
В края за тридевять земель.

Окутан марью золотою,
Стык-перекресток ста дорог
Вдруг расцветет передо мною,
Как яркий сказочный цветок.

Сквозь непогоды и ненастья
И мой оттуда путь лежит,
Ценою в призрачное счастье,
Длиной в несправедную жизнь.

* * *

Моя мечта на год вперед
До удивительности странна:
Хочу иметь свой огород
И сад с избою деревянной.

Чтоб в доме – лишь погаснет свет –
Стучали в ночь часы стенные...
Мой идеал свела на нет
По дедовскому ностальгия!

Чтоб в огороде под окном
Осколком солнца цвел подсолнух,
В большой теплице под стеклом
Чтоб огурцы висели сонно.

Еще хочу: чтоб у хлева
В навозе копошились куры,
А дома, непогодой хмурой,
В беленой печке жглись дрова.

Чтоб цвел весной обильно сад,
А в осень – также плодоносил...
Ну, а потом я буду рад
Вас пригласить приехать в гости!

* * *

Много дней уместилось в одном:
Ссора с женщиной, кружка с вином,
Притупленное чувство расплаты,
В зеркалах – мой портрет бородатый,
Разговор с интересным мужчиной,
И тоскливые мысли о сыне.

• Обратная связь

Дорогие друзья!

Приношу свои извинения в связи с задержкой рассказиков из серии: "А у нас во дворе". Вы можете редактировать всё по-своему усмотрению. А я буду готовить эту серию для книжицы, авось, кто и почитает. По сей день нахожусь под приятным впечатлением от посещения Музея, Андреаполя и, конечно, от встречи с замечательными людьми!

Добра Вам, хорошего здоровья и благополучия!

Ваш Валентин Пажетнов.

Валентин Сергеевич Пажетнов кроме музея посетил и центральную библиотеку, встретился с читателями. Он оказался ещё и великолепным рассказчиком.

Первый рассказ, присланный по нашей просьбе ученым с мировым именем, доктором биологических наук В.С. Пажетновым, вы сможете прочесть в июльском номере нашей газеты.

Большое Вам спасибо! Я прочитал газету, в которой напечатано про моего Папу. Здорово. Очень понравилось. Распечатал несколько страниц. Обязательно покажу Маме и на работе. Даже не ожидал такого результата. Ещё раз большое спасибо. По почте отправлять "Светлячок" не надо, я думал, что не смогу распечатать. Пишите. Буду рад общению с Вами.

Владимир Казекин,
г.Тольятти

Я регулярно смотрю сайт вашей библиотеки, просмотрел все ваши предыдущие газеты – и сама газета понравилась, и особенно материалы Никонорова с обзорами книг. Приятно, что и наши материалы прилились вам ко двору.

Всего доброго и со всеми весенними праздниками.

Пётр Бобунов,
г. Нелидово.

27 мая в Общероссийский день библиотек состоялись встречи самодеятельных поэтов западной зоны области «Дух поэтического братства». Материалы со встречи читайте в следующем номере.